

Человек бунтующий

«Государственные академические театры – это пролежни, отложения солей...»

Ирина АЛПАТОВА

Всенародная популярность, если не сказать слава, обрушилась на Виктора СУХОРОУКОВА внезапно и далеко не в юном возрасте. В основном, конечно, этому способствовали культовые картины Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2». До этого Сухоруков был, как говорится, известным в узких кругах артистом. Достаточно долго прослужил в питерском Театре комедии, куда, кстати, был зван самим Петром Фоменко. Не столь давно, разойдясь во взглядах на жизнь и творческий процесс с новым художественным руководителем комедии Татьяной Казаковой, из театра ушел. После чего, на пороге 50-летия и вовсе сменил про-

писку, перебравшись в Москву, где его на первых порах подхватил Олег Меньшиков, заняв в своем спектакле «Игроки» и надевив сразу двумя ролями. Сегодня Сухоруков, успевший сыграть Летчика в «Маленьком принце» Театрального агентства «Богис» (спектакль, правда, быстро канул в Лету) и Шута в «Лире» Владимира Мирзоева у вехтанговцев, продолжает столичное театральное самоутверждение. И определенные надежды в этом смысле возлагает на новый спектакль «Человек из ресторана» по одноименной повести Ивана Шмелева все в том же «Богисе», премьера которого состоится в марте.

Окончание на стр. 10

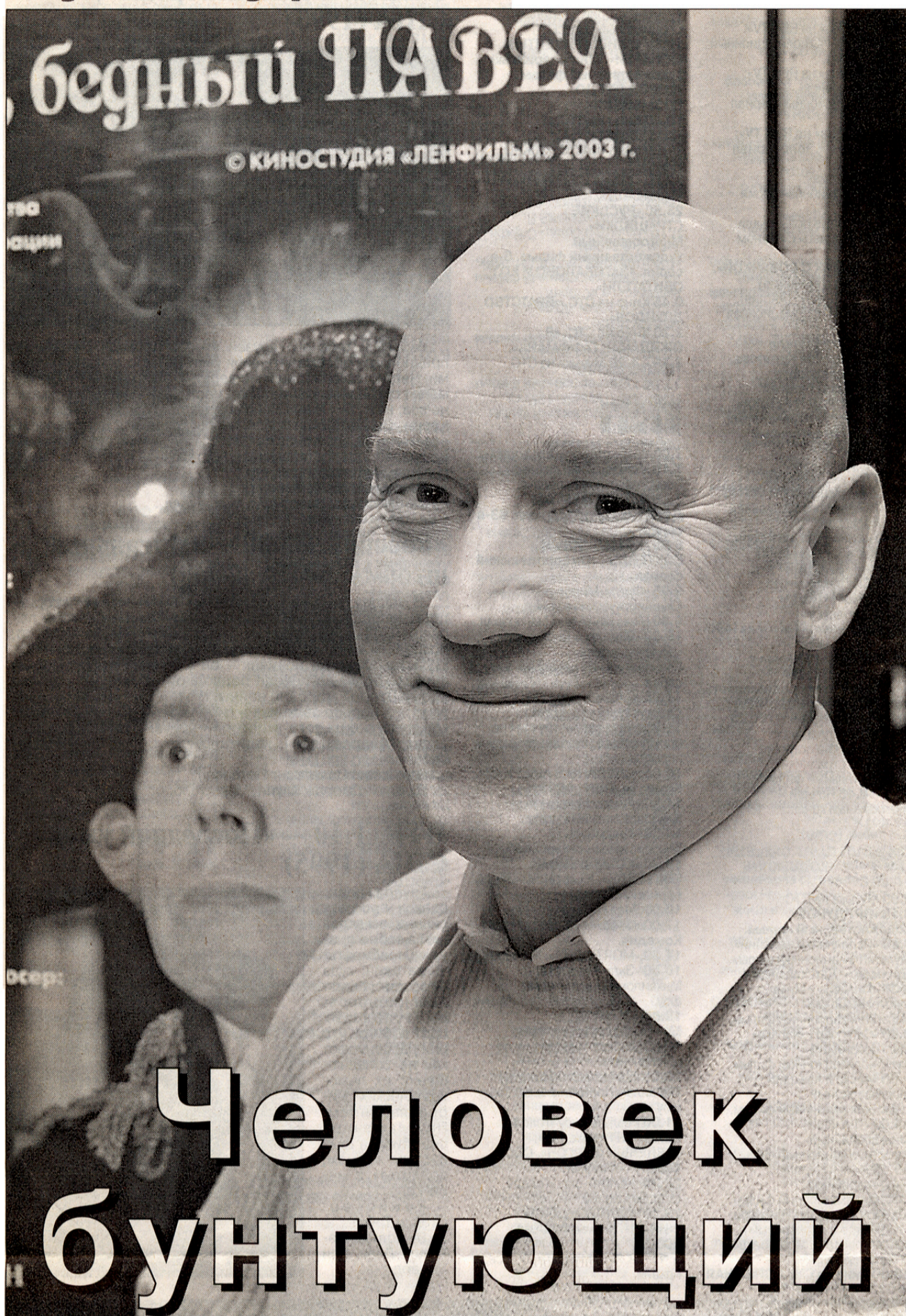
10

№ 24 (207)

7 февраля 2004 года, суббота

Культура

Человек бунтующий

Окончание. Начало на стр. 1

— Вот, говорят, в жизни чудес не бывает. Неправда. Вспоминаю: 1992 год, год Обезьяны. Я в Москве, в Доме кино на премьере дебютной картины режиссера Алексея Балабанова «Счастливые дни». Мой друг и однокурсник Андрей Лукьянов со своей супругой Галиной Боголюбовой, организатором Театрального агентства «Богис», были туда же приглашены. Там мы с ней и познакомилась. 2004 год, снова год Обезьяны. Мы все трое выпускаем интересный, на мой взгляд, спектакль «Человек из ресторана». Я там — Яков Скороходов, офицер. Скажу скромно — основная роль. А так нас много собралось — 14 актеров с разных концов театральной Москвы. Все талантливые, прыткие, шустрые, жаждущие сделать что-то новенькое, яркое. А главное, всем охота вызвать у людей интерес. Для того и живем.

— Вы как-то сказали, что в роли Скороходова подарите публике массу неожиданных. Каких, если не секрет?

— Я дождал до приятной минутки, когда Вита Сухоруков в одном лице будет и веселить публику, и печалиться, будет решать серьезные социальные проблемы, будет вертляв, искренен, смешон. Именно этим роль меня и купила.

— Продвинутом зрителям знаком фильм «Человек из ресторана», вышедший в конце 20-х годов прошлого века, где главную роль исполнял великий Михаил Чехов.

— Горжусь, что я подхватил эстафетную палочку из рук, вернее, из души такого человека. Хотя сразу хочу отметить — Чехов играл образ «маленького человека». Я актер и человек другой эпохи, и задачи мне режиссер Лукьянов ставил иные. Мой Скороходов не будет маленьким, тщедушным, забитым человечком. Он глава семьи, человек обеспеченный и состоятельный, хозяин жизни и положения, муж своей жены, отец своих детей. И все-то у него будет в порядке.

— А не страшно невольная конкуренция с гением?

— Нет, не страшно. Просто потому, что тут нет никакой конкуренции, а наоборот, может быть, есть союзничество. А еще точнее: старое передало эстафету новому, прошлое перебрало мостик в настоящее. И мне не только не страшно и не

стыдно, но я даже смело могу заявить: не вправе никто нас сравнивать, потому что мы будем разными. А то, что мы оба талантливые, это однозначно. Но я-то ближе к сегодняшнему человечеству. Так что если критики начнут ругаться и тыкать меня башкой моей лысой в силэт Михаила Чехова, то это будет безбожно и нечестно.

— Виктор, вы не раз подчеркивали, что сознательно ушли на «вольные хлеба». Но есть немало актеров, сделавших то же самое (назову Валерию Гаркалина, Любовь Полищук, Татьяну Васильеву, Александра Балдуева) и явно понизивших уровень своей профессиональной планки. Нет опасения повторить их судьбу?

— Всех перечисленных актеров надо обсуждать персонально и по каждому конкретному поводу размышлять. Да, я ушел в свободный полет, но не оглядываясь на этих людей. Что со мной будет еще через год-два, не знаю. Но я уже третий год свободный художник и, удивительное, не жалею об этом. Правда, я, может, еще не так громко в Москве заявил о себе. Но и в Питере меня не баловали-то шибко комплиментами. Хотя ролей там было немало.

Работая в «Лире», я наблюдал внутреннюю жизнь штатных актеров. Я не хочу такой жизни. Если вы думаете, что на сцене они выглядели лучше, чем те актеры, которые зарабатывают деньги, то вы ошибаетесь. Одинаковые претензии можно предъявить и тем, и этим. Другое дело, что у нас сложилось стереотипное отношение: академическая структура — это святое, а антреприза — нечто гоночное, ширпотребное, базарное. Наверное, мы сами спровоцировали такое отношение. Но я все равно убеждаюсь в том, что государственная структура театра, актер-чиновник изживут себя. Не думаю, что театр как таковой будет выброшен на вольные хлеба, в хаос. Но контрактная система — на сезон, на спектакль, на роль — станет набирать силу и начнет лидировать в театральной жизни. Да, антреприза грешит тем, что там деньги прилипают быстрее и побольше. Но государственные академические театры — это пролежни, отложения солей. И нет от этого лекарства, вот мое мнение.

А вообще, где бы я ни был, на коврик в подземном переходе или в МХАТе, на-

до следить за собой. Чувствовать себя. Внутренний самоконтроль обязательно должен быть.

— К сожалению, когда исчезает всевидящее око главного режиссера, то и самоконтроль у многих автоматически отпадает.

— Значит, это их беда. Значит, они где-то что-то проглядели. Либо у них нет друзей, а коллеги с ними не честны. Надо уметь слышать других. Чувствовать, где у тебя застой, простой, заскорузлость. Самоконтроль, самоанализ, самооценка, самоощущение, черт возьми. А иначе что же получается? Самодурство — да, нарциссизм — да, эгоизм — да, а самокритика где? Но мне это не грозит. Я изучаю всех вокруг, но не дам себе упасть. Да, мне нужен Карабас-Барабас, в любом его качестве. Но я и сам по себе — человек бунтующий в профессии, неугомонный, ненасытный. Может быть, потому что еще не обожрался этого театрального искусства. Я за себя отвечаю. И даже часто провоцирую своих партнеров по сцене на то, чтобы они меня громили и бомбили именно там, на репетициях, а на спектакль мы бы вышли красивыми, талантливыми и интересными. И чем больше мы будем боксировать, мутузить друг друга на кухне, тем меньше мы оставляем шансов и возможностей критикам потом бомбить нас.

— У свободного художника есть еще одна проблема — страх остаться не у дел.

— А я знаю, что всему приходит конец. Предполагаю это и для себя. Я этого не боюсь только потому, что ко всему готов. Как пришло, так и ушло. Одна рука дает, вторая отбирает. Ничего... Мне легко на этот вопрос отвечать, потому что я был не у дел, я был никем; никому не нужен, в черной комнате без окон, без дверей. Но я же выжил.

Ну, случится так — уберу в огород, в какое-нибудь земледелие и организую, черт возьми, театральный кружок. И буду там ставить красивые маленькие истории по произведениям Аркадия Гайдара или еще кого-нибудь. Ой, это так зависит от человека, потому что быть не у дел — это тоже выбор. А дело на этой земле всегда найдется. И когда надо, о тебе вспомнят.

Отвлекаюсь. Подумал о Дорониной.

— Татьяне Васильевне?!

— Да. Во времена ее величайшего расцвета я обожа-

л ее. Я любил ее всю. Она тогда уже переехала в Москву. Я разыскал ее адрес, уговорил старух-вахтерш мне его дать. Вошел в подъезд, поднялся на ее этаж, позвонил в дверь. И слышу ее чудный голос: «Кто там?» Все во мне вздрогнуло, я — ответил: «Поклонник вашего таланта». И услышал ее удаляющуюся от двери и моего обожания шаги. Я опять позвонил, она снова приблизилась: «Что вам нужно?» Я говорю через дверь: «Вы не бойтесь, я — допризывник и скоро, может быть, пойду в армию. Я хочу засвидетельствовать вам свое почтение, преклониться перед вашим талантом и сказать, что очень вас люблю». «Отойдите от двери, иначе я позову милицию», — прозвучало в ответ. Я спустился на улицу, сел на скамейку и страшно расстроился. Не от того, что она пригрозила милицией, просто мне показалось — я доставил ей неприятность, неудовольствие, заставил волноваться. Была при мне коробка конфет, так я ее на скамейке и оставил.

Проходит много-много лет. У меня — 50-летний юбилей, который празднуется в питерском кинотеатре «Аврора». И мой однокурсник Генка Залогин читает со сцены... телеграмму от Татьяны Васильевны Дорониной. Настоящую, искреннюю, с хорошими словами. Я ее берегу вместе с телеграммой правительственной и фотографиейми своей родни.

— А артиста Сухорукова донимают поклонники?

— Редко.

— Странно. Почему так?

— А я, наверное, не такой человек. Больше похож на зверька, чем на Джеймса Бонда. Хотя бывают смешные ситуации. Например, купаюсь я в море, вдруг рядом выныривает голова: дай-те автограф. Но я настолько к этому отношусь хорошо и приятно, что люди больше меня теряются. Быть может, раньше им приходилось нарываться на какие-то дерзости со стороны актеров. А мне-то что? Мы рисуем автографы, пока есть возможность. Когда у тебя не будут их просить, какие ты мне вопросы задашь? Узнают тебя на улице и в метро — радуйся. Самое приятное из этих узанаваний, когда, глядя на меня в упор, люди начинают спорить. Это Сухоруков? — Да нет, будет тебе Сухоруков на метро ездить! И дело доходит чуть не до драки. Я от этого получаю громадное удовольствие.